

12. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф.И–1. Оп.1. Д.874.
13. ЦИА РБ. Ф.И–1. Оп.1. Д.1087.
14. ЦИА РБ. Ф.И–1. Оп.1. Д.1154.
15. ЦИА РБ. Ф.И–2. Оп.1. Д.5140.
16. ЦИА РБ. Ф.И–2. Оп.1. Д.5773.
17. ЦИА РБ. Ф.И–2. Оп.1. Д.5789.
18. ЦИА РБ. Ф.И–2. Оп.1. Д.5825.
19. ЦИА РБ. Ф.И–2. Оп.1. Д.5949.
20. ЦИА РБ. Ф.И–2. Оп.1. Д.6046.
21. ЦИА РБ. Ф.И–2. Оп.1. Д.6065.
22. ЦИА РБ. Ф.И–2. Оп.1. Д.8845.
23. ЦИА РБ. Ф.И–6. Оп.1. Д.205.

С. Н. КУЧЕВАСОВА

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ НАГАЙБАКОВ

Развитие и сохранение любой национальной культуры на современном этапе связано с нахождением адекватных механизмов ее трансляции, с действенностью живых традиций. С решением этих проблем связан возросший интерес к истории национальной традиционной культуры. В условиях полиэтничности, многоязычия и полиментальности российского социума актуальны проблемы сохранения народной культуры субэтносов. Исходя из этих позиций, казачество (и, в большей степени, — оренбургское казачество) — это уникальный опыт сосуществования в едином пространстве и социуме различных по языку, вероисповеданию, национальности, конфессии групп людей, объединенных скрепляющим раствором единой цели и патриотической идеи служения Российскому государству. В имперский период в Оренбургском казачьем войске сосуществовали представители различных национальностей, вероисповеданий и конфессий, представляя таким образом уникальный феномен толерантности народов ради единой цели. Войско существовало в такой многообразии без конфликтов, причем, каждая этническая группа в составе многонационального Оренбургского казачьего войска сохраняла свою этническую идентичность и особенности культуры в полной мере. Эта идея толерантного уважения и существования этниче-

ских групп и народов является по-настоящему передовой и актуальной в период глобализации и полиэтничности современного Российского государства.

Доклад основан на полевых исследованиях автора в фольклорно-этнографических экспедициях по Уралу (1994–2014 гг.), а также на сведениях из исторической и этнографической литературы.

Уникальная культура нагайбаков — одно из интереснейших явлений многонациональной культуры Урала. Обособленная группа кряшен, носящая название «нагайбаки» на сегодняшний день локализована в двух районах Челябинской области — Чебаркульском и Нагайбакском. Численность нагайбаков по переписи 2002 г. — 9,6 тыс. человек, из них в Челябинской области проживало 9,1 тыс. человек.

Исторически сложилось две группы нагайбаков: одна группа населяла Троицкий уезд Оренбургской губернии (поселки Попово, Варламово, Краснокаменский, Ключевский второй и др.) с этнонимом «бакалы» — это северная группа нагайбаков. Другая группа населяла Верхнеуральский уезд Оренбургской губернии (поселки Фершампенуаз, Остроленка, Кассель, Париж, Требия и Астафьевский). Это южная группа нагайбаков, которая имеет этноним «нагайбэklar».

Существовала и третья группа нагайбаков, которая была расселена в Оренбургском (поселки Неженское, Ильинское) и Орском (поселки Аллабайтальское и Гирьяльское) уездах Оренбургской губернии. Эта группа в XIX в. в процессе сближения с татарами-мусульманами утратила своеобразные черты и обратилась в мусульманство. Нагайбаки, проживающие на территории Челябинской области — северная и южная группы — имеют много общего в культуре, обладают особым этническим самосознанием.

Вопрос об этнической принадлежности нагайбаков до сих пор остается неоднозначным. Существует два мнения относительно происхождения нагайбаков. Одни исследователи (В. Н. Витевский [2], Ф. М. Стариков [6]) считают, что нагайбаки — выходцы из казанских, а точнее, арских татар. Арск находился в 52 верстах от Казани и использовался Казанским ханством как оплот для удержания в повиновении местного населения (Арская застава) и как летняя резиденция хана. Эта версия подтверждается сходством нагайбакского языка со средним диалектом татарского языка и этнографическими особенностями.

Другие исследователи (П. И. Рычков [5], Е. А. Бектеева [1], М. С. Глухов [3]) считают, что нагайбаки — потомки крещеных ногайцев, отколовшихся от основной части Ногайской орды и поселившихся на сред-

нем течении реки Ик (приток Камы). Согласно народному преданию, нагайбаки произошли от ногайцев — телохранителей дочери ногайского мурзы Юсуфа по имени Сеюмбике, ставшей в 1533 г. женой казанского хана Жангарея. После разгрома Казанского Ханства Иоанном Грозным они были крещены и выселены на территорию Башкирии. Это подтверждается документами, приведенными в работе Е. А. Бектеевой [1], нагайбачки по происхождению: «Казань взята царем Иоанном Васильевичем Грозным 1 октября 1552 г. Тогда ногаи и окрестились, записались в подушный оклад и переселились на свободные башкирские земли в Уфимской губернии, где ныне Мензелинский и Белебеевский уезды».

Дискуссии по вопросу происхождения нагайбаков не прекращаются. Сами нагайбаки поддерживают «ногайскую» версию происхождения своей этнической группы, но вместе с тем относят себя к этнической группе кряшен. Наряду с этнонимом «нагайбаки» они также употребляют по отношению к себе этноним «керәшен». Кряшены как субэтнос образовались в XVI в. в период массового крещения в регионе. В состав кряшен вошли, в основном, казанские татары, но также частично и мишари, и соседние финно-угорские народности. В историко-этнографической литературе отмечается, что кряшены сформировались в значительной степени из той части татар, у которой существовали языческие реликты в обычаях и культуре, и наиболее слабым было влияние ислама. Принятие христианства отделило их от основной массы татар, способствовало консервации многих архаических элементов в материальной и духовной культуре и послужило возникновению специфических культурно-бытовых особенностей.

Христианизация инородцев во второй половине XVI в. сопровождалась массовыми переселениями, в результате чего предки нагайбаков поселились на территории башкирских племен в Закамье (в настоящее время Бакалинский район Башкирии, в прошлом — Белебеевский уезд Уфимской губернии). В середине XVIII в. резко осложнилась обстановка в Башкирии: Россия ужесточила свою колониальную политику на востоке и юго-востоке и стала укреплять юго-восточные рубежи своей Империи. В 1732–1740 гг. башкиры подняли восстание, которое охватило огромную территорию. В 1736 г. за неучастие в бунте и за помощь в его подавлении нагайбаки Высочайшим Указом Императрицы Анны Иоанновны были записаны в казаки, освобождены от оброка и получили в собственность бывшие башкирские земли на 50 верст вокруг. Но-

вым этапом в развитии нагайбаков как общности становится образование крепости Нагайбак. Сюда были отправлены на жительство выходцы из киргизского плена, принявшие крещение, пленные турки и арабы. В середине XVIII в. во всем нагайбакском воеводстве насчитывалось наряду с крепостью десять деревень: Бакалы, Казанчи, Сарашлы, Кили, Илек, Акманово, Маты, Дияшево, Костеево. Как известно, «бакалы» становится самоназванием для северной подгруппы нагайбаков, а названия Кили и Сарашлы жители сел Кассель и Остроленко сохранили в памяти и в фольклоре — в лирических и исторических песнях. Название «Сарашлы» в настоящее время носит фольклорный ансамбль села Остроленко в память о своей исторической родине.

Последующая история нагайбаков как казаков складывается после образования в 1744 г. Оренбургской губернии и создания новой пограничной оборонительной линии. Было создано Оренбургское казачье войско, в него вошли и казаки Нагайбакской крепости. Граница государства отодвинулась на восток и стала проходить по прямой линии между городами Орск и Троицк. Потребовалось создать новые крепости, казачьи поселения и посты, чтобы укрепить новую границу. И в 1842 г. часть казаков-нагайбаков была переселена в Оренбургскую губернию.

Из внутренних кантонов № 3 и № 5 (станций Бакалинской и Нагайбакской Уфимской губернии) 1250 казаков-нагайбаков были переселены в образовавшиеся поселки Верхнеуральского уезда, между старой и новой линией. Поначалу эти поселки не имели названий, а были пронумерованы. В 1843 г. генерал-губернатор Оренбургской губернии П. П. Сухтелин, участник войны с Наполеоном, предложил дать названия этим поселкам в память победных сражений с Наполеоновской армией во время заграничного похода 1812–1814 гг. Станицы назвали следующим образом: № 1 — Кассель (Германия), № 2 — Остроленка (Польша), № 3 — Фершампенуаз (Фершампенуаз-на-Марне, Франция), № 4 — Париж (Франция), № 8 — Третья (Северная Италия), № 24 — Арси (Франция).

После переселения в Оренбургскую губернию нагайбаки оказались оторванными от основной части кряшен. Православные службы велись на церковнославянском языке, нагайбаки же практически не говорили на русском языке, и им было сложно полноценно участвовать в церковных таинствах. Тогда к нагайбакам были направлены миссионеры из кряшен, которые перевели службу, сделав ее доступной. В новых казачьих поселениях были построены церкви. Церковная служба в храмах

шла на двух языках, и у нагайбаков была возможность понимать текст службы и проповедь священника. Церковную службу на нагайбакском языке, а точнее, отдельные ее тропари и кондаки с многоголосным распевом можно было записать в Нагайбакском районе еще в 80-е гг. XX в. Известный московский фольклорист В. М. Щуров записал около восьми фрагментов православной службы на нагайбакском языке. Нами в 2006 г. был записан один вариант рождественского тропаря на нагайбакском языке в селе Кассель Нагайбакского района.

Принадлежность нагайбаков к христианству также поддерживалась служением казаков-нагайбаков православному государю и принесением присяги православному государству. Немаловажен и тот факт, что во время походов войсковые части были смешанными, а не собранными по этническому признаку — состав Оренбургского Казачьего Войска более чем на 80% состоял из православных русских казаков.

Самобытность нагайбаков как этнической группы можно проследить, рассмотрев некоторые элементы культуры, которые являются критериями сходства/различия между народами. Это традиционный календарь, семейные и культовые обряды, а также особенности костюма, язык и музыкальная культура.

Круг календарных праздников у нагайбаков строился в полном соответствии с православной культурой. И если у многих групп татар новый календарный год начинался со дня весеннего равноденствия, который назывался Навруз, то у нагайбаков началом календарного года было Рождество. Из календарных праздников, почитаемых нагайбаками, можем отметить Святки (Нардуган) с традиционным хождением по домам, ряженьем, гаданиями и молодежными вечерками, Масленицу («Май атнасы» — Масленая неделя, «Прущтый атнасы» — Прощеная неделя), Вербное воскресенье («Бәрмәнчик-көн»), Пасху («Олы көн» — «Великий день»), Троицу («Тройсин»), Иванов день, Петров день (Питрау көн), Ильин день (Илля көн), Михайлов день, отмечался Покров.

Интересен тот факт, что из старинных праздников, относящихся к культуре татар, нагайбаки отмечали Сабантуй — со сбором подарков и яиц для участников соревнований, скачками, борьбой, состязаниями в ловкости и силе. Трудно проследить, является ли празднование Сабантуя наследием казанских татар или поздним приобретением вследствие контактов с киргизами и казахами. Другие группы кряшен праздник Сабантуя как таковой не отмечали, но некоторые обрядовые моменты (борьбу и состязания) приурочивали к Пасхе.

Из фенологических праздников нагайбаки (как и татары, и русские) отмечают «проводы льда», когда всем селом ходили на берег реки смотреть на ледоход. Загадывали, чтобы год был хороший, чтобы болезни унесло по воде, как лед.

Таким образом, мы можем отметить хорошую сохранность праздников годового календарного круга. Многие почитаемые христианами дни нашли свое место в календаре нагайбаков за исключением постов, которые, по нашим сведениям, практически не соблюдались нагайбаками в XX в.

Семейные обряды и традиции являются наиболее стойкими и сохраняют дольше всего архаичные черты. Традиция имянаречения у нагайбаков подчиняется православной традиции, дети при крещении получали христианские имена по святым. Но в быту под влиянием фонетико-грамматического и акцентологического строя нагайбакского языка они звучали, как и названия христианских праздников, в своей особой транскрипции: Варвара — Барый (уменьш. — Бэрук), Анастасия — Начтый (Нэчтук), Петр — Петрэй (Питук), Дмитрий — Митрэй (Метук).

Семейные обряды нагайбаков сохраняют тюркские особенности, а также языческие реликты. Так, например, одной из форм традиционного заключения брака являлось, как и у всех групп татар, воровство невесты («кыз урлау»). Все свадебные чины, названия обрядовых моментов сохраняются тюркские, полностью повторяют особенности татарской традиционной свадьбы. Сохраняется и традиционное для всех групп татар гостевание, когда начиная со дня сватовства (в случае, если свадьба идет со всеми обрядовыми моментами) старшие родственники жениха и невесты идут по домам родственников с обходом. Невеста топила баню для всех гостей и готовила суп с лапшой («килен мунчасы» и «килен токмачы») — как и у других групп татар.

Свадьба у нагайбаков сопровождается большим количеством свадебных песен; характерной является песенная переключка между родственниками жениха и невесты, когда в старинных, закреплённых традицией и ритуалом песнях две объединяющиеся в одну общность семьи величают или хулят друг друга.

Похоронно-поминальная обрядность также является устойчивой и хорошо сохранившейся по сей день. Большая часть обрядовых моментов опирается на языческие представления — приготовление погребальной одежды, поминальные трапезы. Часть обрядов была привнесена христианством. Так, например, когда намечают место могилы, складывают нитки в виде креста и вырубают землю топором по намеченным линиям. По-христиански отпевали покойника в церкви. В доме

до похорон читали молитвы по-нагайбакски, это же делали и по дороге на кладбище.

Сохранились у нагайбаков и обряды вызывания дождя. Эти обряды обнаруживают глубокую связь с дохристианскими и домусульманскими языческими верованиями. В момент ритуального вызывания дождя звучат песенные заклички на дождь. Наоборот, при длительных дождях звучат заклички на солнце. Люди всех возрастов обливаются водой и входят в реку в одежде. После христианизации такие обряды стали проходить с крестным ходом, когда на моления шли с иконами, священник вел службу на поле «перед кашей». А после совершали ритуальное жертвоприношение, и варили суп или кашу в котле на открытом огне, которую ели всей общиной.

В пользу версии о происхождении нагайбаков от казанских татар говорит и такая консервативная и медленно изменяющаяся часть культуры, как язык. Исследователи-филологи сходятся во мнении, что нагайбакский язык является одним из диалектов татарского языка. Например, родовые названия совпадают с татарскими родовыми названиями (энкэй, эткэй, килен, кияу, кода, кодагый).

Одним из уникальных признаков, маркирующих культуру нагайбаков, является многоголосная манера пения. Как известно, казанские татары поют одногласно, но кряшены имеют многоголосную манеру исполнения. Нагайбаки же переняли казачью манеру пения, которая отличается от кряшен. Система музыкальных жанров нагайбаков, включавшая в себя архаичные календарные песни, свойственные всем кряшенам, дополняется казачьим репертуаром — историческими, походными, рекрутскими песнями.

Обнаруживается типологическое сходство нагайбакского костюма с костюмом казанских татар. Сходная типологически верхняя мужская и женская одежда позволяют выявить общие тюркские корни. Но в процессе развития этнической группы нагайбаков, и особенно, вследствие их изменившегося сословного статуса, самобытная традиционная одежда уступила место (в первую очередь у мужского населения) форменной одежде — казачьей форме. Женская одежда приобрела со временем городские черты и стала схожей с городской одеждой русского населения. Традиционное женское туникообразное платье с фартуком, богатым комплексом украшений и головным убором было вытеснено городской парочкой — юбкой и кофтой из покупной ткани.

Итак, основными этническими составляющими нагайбаков можно считать тюркские корни (казанские или ногайские), принадлежность

нагайбаков к кряшенской общности и к сословию казаков. Эти факторы и повлияли на развитие культуры нагайбаков. К концу XIX века нагайбаки выделяются на фоне других групп кряшен в самостоятельную этническую общность — в этноконфессиональную сословную группу.

Отдаленность нагайбаков от исторически близкой им общности казанских кряшен, отрыв от них в течение почти четырех веков, иной социальный статус, казачий быт, более тесные контакты с другими народами (в первую очередь с русскими, казаками, башкирами) обусловили формирование специфических уникальных черт в их культуре.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бектеева Е. А. Нагайбаки. (Крещенные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. СПб., 1902.
2. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1897.
3. Глухов-Ногайбек М. С. Судьба гвардейцев Сеюмбеки. Неформальный подход к еще ненаписанным страницам истории. Казань, 1993.
4. Матвеев С. Гадание на кольцах у крещеных татар. Уфимская и соседние губернии // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Т. XXIII, вып. 1–6, 1907.
5. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии: Соч. П. И. Рычкова 1762 г. Оренбург, 1887.
6. Стариков Ф. М. Откуда взялись казаки (исторический очерк). Оренбург, 1884.

Е. В. ЛЕШУКОВА

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА АТАМАНА АННЕНКОВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

На территории Западной Сибири «атаманщина» является одним из распространенных сюжетов отечественной историографии Гражданской войны. Это понятие, обозначающее произвол сибирских атаманов, появилось в исторических источниках еще в ходе вооруженного противостояния на Сибирских просторах политических сил большевизма и их противников. Так генерал Александр Павлович